

На правах рукописи

Колесников Илья Дмитриевич

Фридрих Ницше и античность: герменевтика философских оснований

09.00.03 История философии по философским наукам

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук

Саратов – 2019

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент Богатов Михаил Александрович

Официальные оппоненты:

Фаритов Вячеслав Тависович, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет», профессор кафедры «Философия»;

Михайловский Александр Владиславович, кандидат философских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», доцент Школы философии.

Ведущая организация ФГБУН «Институт философии Российской академии наук».

Защита состоится 27 сентября 2019 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.09 на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по адресу: 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. XII, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» и на сайте университета <https://www.sgu.ru/research/dissertation-council/d-212-243-09>

Автореферат разослан «___» _____ 2019 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Малкина Светлана Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С момента смерти Фридриха Ницше прошло менее ста двадцати лет, а объём исследований его наследия поражает воображение. В такой ситуации могло бы показаться, что очередное исследование философии Ницше излишне, если бы не то обстоятельство, что большинство работ воспроизводит одни и те же образы, одну и ту же логику. Представленное исследование стремится, насколько это возможно, избежать подобного воспроизведения типичной логики и выявить целостное единство философии Ницше с классической древностью. В историко-философской «системе очевидностей» оказалась достаточной ссылка на то, что Ницше сначала занимался классической филологией, и его непрестанное обращение к античности лишь следствие классического образования и академической деятельности; внимание же большей частью уделялось влиянию на Ницше естествознания и реалистической философии XIX века, – но при этом отступает на второй план, что Ницше привлекал эти силы для борьбы с платонизмом.

Говоря о воле к власти, учении о сверхчеловеке и тому подобном придерживаются всецело формального принципа, а содержание этим мыслям придаёт сложившаяся система очевидностей. В данной работе предпринята попытка герменевтического выявления *содержания* этих мыслей. Речь идёт не об эстетических предпочтениях Ницше («что в античности предпочтительно?»), а о том, каким содержанием обладают формальные принципы ницшевской метафизики, эстетики, философии культуры. Тогда оказывается, что воля к власти – космогонический принцип, могущий воплотиться в агональной культуре и породить великие произведения искусства, а сверхчеловек – скорее эллин Периклова века, чем имморалист века XIX-го, и учение о Вечном возвращении того же самого – способ мысли, возвращающий к эллинскому мироощущению, которое предшествовало дуализму Платона.

В теме «Ницше и античность» одновременно присутствует два направления. Во-первых, то, какое понимание античности сложилось в наследии Ницше; во-вторых, то, как античность повлияла на Ницше и сформировала его мысль. Строгая герменевтика нацелена на усмотрение того, как философ, с одной стороны, даёт своё понимание древности, но при этом, с другой стороны, сама его мысль определена классической древностью. Современная мысль, как и мышление предыдущих эпох, сформирована античностью. Это формирование имеет прямое и косвенное действие: прямое заключается в том, что философия любой эпохи переосмысляет античное наследие, а косвенное действие связано с тем, что философия, начавшаяся в античности, сохраняет сформированность ею. Философия современности, если она и не говорит об античности напрямую, уже подвержена её влиянию, даже в случае игнорирования. Мышление Фридриха Ницше, во многом определившее формальную и содержательную стороны последующей философии, было сформировано античной культурой. В этой связи представляется актуальным исследовать то, каким образом философия Ницше была ответом на вызов

античности и какое преломление античность обрела в его работах. Ставшие в современности актуальными проблемы телесности, эстетики и др. были подняты Ницше именно в связи с переосмыслением античности.

Актуальность темы исследования обусловлена также и тем, что в историко-философской традиции не столь часто встречается адекватная и одновременно целостная её разработка. При помощи герменевтической деструкции можно зафиксировать тезисы, в которых теме «Ницше и античность» даётся неверное истолкование: «Ницше выделил аполлоническое и дионисийское начала, он отдаёт первенство дионисийскому, тем самым, выступая на стороне антиклассицизма»; «Ницше боролся с платонизмом, так как был реалистом и разделял позитивистскую философию»; «Ницше привлекал античность для борьбы с христианством»; наконец, некоторые моменты предпонимания вовсе лишены содержательности, например: «Вечное возвращение – отголосок античной мистической традиции». Одни из приведённых положений отражают лишь часть целой картины (и, не будучи обстоятельно развёрнуты, не вносят ясности), другие и вовсе несостоятельны и не находят подтверждений.

Даже высокая *степень разработанности проблемы* не отменяет ситуации неясности, поскольку многие исследования воспроизводят перечисленные положения, и даже выдвигают их в качестве доказанных выводов. Самые первые работы, посвящённые данной теме, относятся к прижизненной полемике вокруг публикации *Рождения трагедии из духа музыки* в 1872 году, среди участников которой следует отметить классических филологов У. фон Виламовица-Мёллендорфа и Э. Роде, а также композитора Р. Вагнера. Несмотря на тонкость аргументации обеих сторон спора, эти документы не могли осветить целостную картину, поскольку были написаны практически в самом начале философского пути Ницше. Другие работы устарели в силу недостаточности источников: связано это с тем, что некоторые части наследия Ницше были опубликованы в первой, а иногда и во второй половине XX века. Публикация издательством *De Gruyter* сорокатомного собрания *Werke. Kritische Gesamtausgabe* под редакцией Дж. Колли и М. Монтинари началась в 1967 году и длилась несколько десятилетий (к этому следует добавить издание переписки в двадцати четырёх томах: *Briefwechsel. Kritische Gesamtausgabe*).

Среди ранних работ, рассматривающих *общее влияние античности* на философию Ницше, заслуживают упоминания статьи Ф. Бласса и В. Нестле. Из современных и более обстоятельных трудов следует выделить исследования В. Техера и Х. Канцика, коллективную монографию под редакцией П. Бишопа, а также монографии Э. Мюллера и Д. Вилькерсона. Отдельного упоминания в силу оригинальности разработки проблемы заслуживает книга Ю. Тансела об агоне у Ницше. В 2014 году были опубликованы исследование М. Майера и коллективная монография под редакцией А.К. Йенсена и Г. Хайта.

В рамках литературы, посвящённой влиянию на Ницше *доплатоновских философов*, Р. Элером (дальним родственником Ницше) достаточно рано, в 1910-ые гг., была написана обстоятельная книга. В дальнейшей библиографии

представлены статьи о связи Ницше с Эмпедоклом, Парменидом, Гераклитом – в целом, следующие единому направлению: фрагменты из древних авторов сопоставляются с тем или иным местом наследия Ницше, и на этом основании делаются выводы; однако безусловный интерес представляет книга Г. Вольфарта в связи с фрагментом В52 Гераклита.

Самые первые исследования взаимодействия античности и мысли Ницше были посвящены проблеме *софистов*: например, статьи А. Маннхаймера и М. Визенталя. Дальнейшие исследования, как правило, разделяют воззрение, согласно которому Ницше высоко ценил софистов; тем бóльшую ценность представляет полемическая статья шведского ницшеведа Т. Бробьера, где это традиционное воззрение поставлено под вопрос. Наибольший объем работ приходится на проблему *Сократа и Платона* в философии Ницше. Исследования, как в своих предпосылках, так и выводах частично повторяют друг друга. Следует упомянуть труды Т. Циглера, Г. Хассе и К. Хильдебрандта. Далее тема разрабатывалась в работах Э. Шпрангера, К.А. Эмге, П. фон Клох-Корнитца и Э. Эберляйна. Следует также отметить исследования В. Патта, А. Лосси (которая предлагает мыслить не «Ницше против Платона», а «Ницше с Платоном») и Д. Эванса; заслуживает упоминания и диссертация Й.М. Кардосо.

Нередко встречаются работы, рассматривающие отношение Ницше к той или иной фигуре античности. В последние годы особенно популярны исследования ницшевского отношения к Эпикуру, стоицизму и Аристотелю. Ницше мог в один период относиться к тому или иному философу как к союзнику, а в другой как к врагу; исследователи этой темы, по замечанию Э. Мюллера, зачастую приходят к противоположным выводам, ссылаясь на одни места и замалчивая другие.

Отечественная традиция отличается тем, что здесь рецепция Ницше началась раньше и даже интенсивнее, чем во многих других странах Европы. Такое интенсивное освоение в силу обстоятельств истории на рубеже 1910-1920-ых гг. должно было приостановиться. В тематическом отношении отечественные авторы ориентировались преимущественно на вопрос аполлонизма-дионисизма (ему посвящены работы Ф.Ф. Зелинского, А. Волынского, Вяч. Иванова, А.Ф. Лосева и др.), оставляя прочие в стороне. Когда наследием Ницше вновь стало возможным заниматься, границы исследований его философии были расширены, в том числе применительно к античному вопросу.

На основании библиографии можно сделать несколько выводов. Во-первых, общих исследований темы «Ницше и античность» достаточно мало и, к тому же, они опираются только на греческую *философию* и почти не рассматривают влияние на Ницше античной *культуры*, оказавшей на него как раз большее воздействие (учитывая, что «культура» и «философия» стали для Ницше антитезой). Во-вторых, наибольшая часть трудов относится к одной проблеме, а именно, к ницшевской критике Сократа и Платона. В-третьих, некоторые значимые явления, относящиеся к связи Ницше с античностью, практически не получили освещения: возвращение к античному пониманию тела, смещение эстетики в сторону Аристофана и Петрония, воспитательная

мысль Ницше в *Греческом государстве* и др. В-четвёртых, исследователи философии Ницше могут блестяще ориентироваться в его наследии, и при этом знать античность на уровне общих мест (например, сравнивая Ницше с Гераклитом, указывая на борьбу противоположностей). В-пятых, исследователи классической древности осознают необоснованность подобных общих мест применительно к античности, однако философию самого Ницше мыслят в понятиях воли к власти, учения о сверхчеловеке и т.п. По-настоящему плодотворен, поэтому, герменевтический подход, обращающий внимание исследователя как на философию Ницше, так и на античность; подход, отказывающийся от предположения, будто с ницшевской мыслью или античностью всё «ясно».

Отдельно следует сказать о разработанности тем первого параграфа первой главы и второго параграфа третьей главы, посвящённых образу античности в немецкой философии *до* Ницше и *после* его влияния. Об общем фоне *филэллинизма в Германии XVIII-XIX вв.* даёт представление классический труд В. Рема. Немецкий филэллинизм в определённом освещении представлен в книге С. Марчанд; развитие классической филологии освещено в работах Виламовица-Мёллендорфа и Э. Графтона. Образ античности в немецкой традиции, сложившийся *после Ницше* и при его влиянии исследован в коллективной монографии под редакцией Б. Зайденстикера и М. Вёлера, а также в книге Б. Штиве. Привлекались и труды отечественных учёных: статьи С.С. Аверинцева и А.В. Михайлова, А.В. Михайловского и Э.Д. Фролова, а также книга М. Маяцкого.

Целью настоящего исследования является герменевтическое исследование связи античности с философией Ницше, из чего следует необходимость решения следующих **задач**:

1. Восстановить контекст истолкования античности в немецкой традиции, с целью выявить пределы собственно ницшевского понимания античности;
2. Выявить место античности в философии раннего Ницше, в том числе её участие в формировании артистической метафизики Ницше;
3. С помощью герменевтики восстановить целостную «проблему Платона» в философии Ницше; показать единство политической, эстетической и метафизической сторон преодоления платонизма;
4. На основе ницшевского наследия и античных источников провести герменевтическую реконструкцию понимания Ницше сущности античности, «собственно-эллинского»;
5. Исследовать ницшевское переосмысление античности в поздний период творчества и выявить основные направления этого переосмысления;
6. Проанализировать формы интерпретации ницшевской античности в немецкой традиции XX века.

Объект исследования – рецепция античности в философии Ницше. **Предмет** – герменевтика философских оснований воссоздаваемого Фридрихом Ницше образа античности.

Научная новизна диссертации заключается в том, что данная работа является первым на русском языке целостным и последовательным научным исследованием проблемы античных начал философии Ницше. В диссертации:

1. Раскрыт контекст немецкой традиции понимания античности, которую Ницше отчасти дополнил, отчасти преодолел;

2. Определено место античности в философии раннего Ницше, в том числе, формирование на основе античной эстетики и философии артистической метафизики Ницше;

3. Представлено целостное рассмотрение «проблемы Платона»; раскрыто единство политического, онтологического и эстетического преодоления платонизма;

4. На основе наследия и логики Ницше, а также античных источников, реконструирована герменевтическая модель ницшевского понимания сущности эллинской античности («собственно-эллинское»);

5. Прояснено ницшевское переосмысление античности в поздний период творчества, раскрыты основные фигуры этого переосмысления: «смех», «поверхность» и «Рим»;

6. Проанализированы формы интерпретации открытых Ницше образов античности и выявлены связанные с этим основные предрассудки, распространённые в философии и культуре по настоящее время.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что данное диссертационное исследование способно прояснить фундаментальные проблемы современной рецепции античности, что представляет безусловный интерес не только для философов, но также для исторического антиковедения и классической филологии. Оно также вводит в историко-философский дискурс (в первую очередь, в ницшеведение) новый контекст, связанный со сформированностью современных форм философии античными мыслью и культурой. Представленные в работе материалы и выводы будут полезны при разработке общих курсов лекций и спецкурсов по философии Ницше, немецкой философии XX века, рецепции античности в немецкой традиции.

Методология и методы исследования. Направление данного исследования обязывает применять *историко-философский анализ* источников. Но для того чтобы увидеть античную проблематику философии Ницше в целом, исторической методологии недостаточно. В современном ницшеведении всё шире распространяется *Quellenforschung*; наследие философа изучается с позиций источниковедения: читал ли он некоторого автора, и если да, то когда и в каком издании, как он об этом упоминает и тому подобное. Но даже самый совершенный свод указаний источников никогда не даст ответа на вопрос о том, как Ницше понимал античность.

В качестве основного метода, поэтому, выбрана *герменевтика*. Исследование основывается на принципах, заложенных Ф. Шлейермахером, и разработанных затем М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером. Истолкование того или иного места в наследии Ницше проводилось в связи с 1) целостным мышлением Ницше, 2) античной традицией и 3) контекстом понимания

античности XVIII-XIX вв. Так как было бы недостаточно указания тех мест, где Ницше говорит об античности, необходимо герменевтическое погружение в его мышление: таким образом, даже там, где Ницше не говорит напрямую об античности, усматривается единство его философии с античной проблематикой.

Ещё одним методом, преимущественно во второй главе исследования, служила герменевтическая феноменология, а именно приём феноменологической конструкции (такую методологию разработал Хайдеггер в работе *Основные проблемы феноменологии*). Чтобы за совокупностью упоминаний об античности в наследии Ницше усмотреть его понимание этой эпохи, сначала должна быть проведена деструкция усреднённого понимания классической древности, а затем это явление (образ античности у Ницше) должно быть сконструировано – как на основе ницшевского наследия, так и исходя из античных источников.

Среди используемых в диссертации методов присутствует и *историко-философская компартиvistика*. Однако в чистом виде метод сравнительного анализа может привести к тому, что связанность исследования будет утрачена, и оно превратится в перечень сходных черт. Чтобы избежать простого перечисления того, что общего у Ницше с античностью, необходимо было метод сравнительного анализа подчинить философской герменевтике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сложившийся к середине XIX века контекст понимания античности не был всецело классическим (как у Винкельмана, Гёте и др.); уже проявлялась тенденция к усмотрению в античности «мрачных сторон» (И. Бахофен, Ф. Гёльдерлин, Ф. Шеллинг, Ф. Крейцер). Открытие значимости феномена дионисизма не может в полной мере считаться новшеством Ницше, оно встраивалось в распространяющиеся уже более половины века тенденции;

2. Переосмысляя задачи классической филологии, Ницше указал, что она должна соединиться с эстетикой, а её методы должны ориентироваться на классицизм. Воплощением такой обновлённой филологии стали сочинения *Рождение трагедии* и *Философия в трагическую эпоху греков*. В них формируется философский проект Ницше, а именно, артистическая метафизика, основной принцип которой гласит: «Существование и мир навеки могут быть оправданы только как эстетический феномен»;

3. Переосмысление платонизма включает в себя политику, эстетику, метафизику: эти грани неотделимы одна от другой. В *Греческом государстве* Ницше следовал формальным принципам политики Платона, изменив содержание этой политики: государство ради искусства. Когда началось радикальное преодоление платонизма, имелась в виду «большая политика» Платона, его воспитание нового человеческого типа. Учение об идеях было такой же частью этого воспитания, как схема надлежащего устройства полиса и критика искусства;

4. Платону Ницше противопоставил «собственно-эллинское». Ницше несколько раз набрасывал основные черты античной эпохи, которые составляют целостный образ классической древности и, тем самым,

культурный идеал ницшевской философии. Философия и культура становятся противоположностями: по одну сторону замкнутость одинокого мышления, по другую – «Гомер, трагедия, риторика, Перикл»;

5. Преодоление платонизма в поздний период творчества позволило Ницше найти способ мысли, при котором деление мира на положительное и отрицательное было упразднено – этот способ мысли можно назвать смеховым. Отношения «истина-ложь» и «душа-тело» были заменены на «поверхность/лёгкость-тяжесть», «здоровье-болезнь»: в качестве культурного идеала и основания для критики современности античность стала символизировать здоровье, лёгкость, поверхность: главными фигурами этой античности стали Аристофан и Петроний, а смысловая пара «платонизм-эллинизм» была заменена на «христианство-Рим»;

6. Существует три основных способа интерпретации ницшевского понимания античности: его можно принять, преодолеть или следовать ему. Первая форма ориентировалась не на ницшевскую мысль, а на достижения философа, благодаря чему утвердился предрассудок о ницшевском дионисизме. Хайдеггер стремился преодолеть ницшевское понимание античности не только на уровне образной системы, но в попытке отказаться от самой этой образности. Третья форма предполагает не принятие во внимание содержательной или образной системы античности Ницше, а опыт продолжения намеченных Ницше тенденций; таково понимание античности в *Круге Штефана Георге*, у Г. Бенна и в *Третьем гуманизме* В. Йегера.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов диссертационного исследования основывается на авторском анализе широкого круга источников четырёх видов: во-первых, сочинений Ф. Ницше, во-вторых, источников, относящихся к немецкой гуманитарной традиции XVIII-XX вв., в-третьих, сочинений античных авторов, и в-четвёртых, ницшеведческой литературы. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования нашли отражение в докладах и выступлениях на научных конференциях, форумах и круглых столах различного уровня: круглый стол с международным участием «Архитектоника искусства» (30 октября 2015г., Академия русского балета им. А.Я.Вагановой, г. Санкт-Петербург); Конференция «Проблемы этики: историко-философский и профессиональный контекст» (17 декабря 2015 г., Саратовский государственный университет, г. Саратов); Всероссийская конференция с международным участием «“Antiquitas Aeterna”. Феноменология античного духа: актуальные проблемы классической литературы, философии, мифологии, религии и искусства» (5 февраля 2016 г., Нижегородский государственный университет, г. Нижний Новгород); Всероссийская научно-практическая конференция «Практики искусства в современной культуре» (20 апреля 2017 г., Саратовский государственный университет, г. Саратов); Всероссийская конференция «Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров» (28 сентября 2017 г., Саратовский государственный университет, г. Саратов); IX международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы.

Этика революций» (28 октября 2017 г., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург); Всероссийская научная конференция «Logos – Eidos – Ergon: актуальные проблемы античной истории и классической филологии» (16 декабря 2017 г., Саратовский государственный университет, г. Саратов); X международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. Этика: переосмысление» (15-17 ноября 2018 г., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург); Международная научная конференция «История. Семиотика. Культура» (23-24 ноября 2018 г., Самарский государственный университет, г. Самара); Всероссийская научно-практическая конференция по гуманитарным и социальным наукам «Человек в цифровом пространстве: онтология участия и культура взаимодействия» (26 февраля 2019 г., Саратовский государственный университет, г. Саратов).

По теме диссертации опубликовано 20 научных работ общим объёмом 11,7 п.л., в том числе 5 статей в журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Диссертация обсуждалась на кафедре теоретической и социальной философии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Структура диссертации. Порядок изложения диктуется логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав (6 параграфов), заключения и списка литературы из 224 источников (включая 96 на иностранном языке). Всего в тексте диссертационного исследования 180 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность темы диссертации, осуществляется постановка проблемы, раскрывается степень её разработанности, формулируются цель и задачи, объект и предмет, представлены методологические основы диссертации, обозначены положения, демонстрирующие новизну и теоретико-практическую значимость работы.

В **первой главе «Переосмысление традиции понимания античности Фридрихом Ницше»** прослеживается связь истолкования античности Фридрихом Ницше с предшествующей традицией.

В **§1 первой главы «Немецкая традиция понимания античности XVIII-XIX вв.»** речь идёт о контексте понимания античности, который сложился в Германии к середине XIX века. В немецкой традиции, как и в классицистских тенденциях других культур, существовала ориентация на античные идеалы, отличием же было избрание в качестве ориентира эллинской древности. Страны с романскими языками ориентировались преимущественно на римскую античность, и чтобы немецкая культура обрела самостоятельность, необходимо было противопоставить романскому классицизму идеал эллинской

древности. Классицистское истолкование античности закрепилось в формуле, найденной И.-И. Винкельманом: «eine edle Einfalt und eine stille Größe» («благородная простота и спокойное величие»). Дальнейшие представители классицизма расширили это понимание, сохранив его сущностное определение: Г.Э. Лессинг дополнил статический образ античности динамическим моментом (*Лаокоон* являет собой борьбу и проявление силы, а не статичное спокойствие); Ф. Шиллер ввёл противопоставление наивного и сентиментального искусства (по принципу присутствия в нём субъекта); И. Гаман, И.Г. Гердер и И.В. фон Гёте усилили противопоставление античности и современности, приписав античности функцию критики современной культуры.

Параллельно с Веймарским классицизмом набирало мощь ещё одно течение, а именно классическая филология. В отличие от классицизма, проект Ф. Вольфа по созданию *Alttertumswissenschaft* предполагал изучение всех сторон классической древности вне зависимости от ценности того или иного явления. Для этой научной дисциплины античность выступала в качестве не столько эстетического идеала, сколько предмета исследования. Заявленное Вольфом единство антиковедческой науки сменилось борьбой между двумя направлениями – критико-грамматической школой Г. Германа и историей античной культуры А. Бёка. Общим у этих направлений был скепсис к классицистскому образу античности: сторонников Германа античное произведение искусства интересовало на предмет его подлинности, а сторонников Бёка на предмет условий той исторической эпохи, в которую это произведение было создано.

Другое проявление этого скепсиса обнаруживается у Ф. Гёльдерлина, Г. Гегеля, Ф. Крейцера и Ф. Шеллинга: областью их интереса стали мифические стороны архаической эпохи, в противовес культурным сторонам эпохи классической. Формировался новый образ классической древности – мрачной, религиозной и иррациональной, – что в немецкой историографии рецепции античного наследия обозначается поиском «другой античности» («die andere Antike»). К этой же тенденции следует отнести концепцию И. Бахофена, чьей задачей было осветить «самые тёмные стороны мировоззрения древних» («die dunkelsten Seiten die alten Gedankenwelt»). Этот поиск «тёмных сторон» воплотился в интересе к дионисийскому культу (особенно, у Крейцера и Бахофена), и приписывать Ницше открытие этого культа нецелесообразно. Неверно приписывать ему и оригинальность в том, что античный человек был жесток и аморален, поскольку в этом отношении понимание классической древности у Ницше во многом совпадает с основной интенцией *Истории греческой культуры* Я. Буркхардта (то же самое относится к проблеме «античного пессимизма»).

Во §2 первой главы «Переход от филологии к философии в раннем творчестве Ницше» показаны принадлежность и отношение Ницше к предшествующей традиции понимания античности. Сначала говорится о достижениях Ницше в классической филологии: о его сочинении *De Theognide Megarensi*, а также о докладах и статьях, написанных в период 1864-1871 гг. То, как Ницше в качестве антиковеда формулирует метод исследования

классической древности, воплотится затем в его философских сочинениях, когда сущность греческой культуры будет противопоставлена современным идеалам. Вопреки распространённому мнению, в работах раннего периода Ницше примыкает к классицистской тенденции: античность позиционируется им как основание для критики современности с одной стороны, а с другой, как идеал «несвоевременности». Переосмысляя задачи классической филологии, Ницше расширил её пределы и заявил о необходимости её слияния с эстетикой и философией. Недостаток гуманитарной дисциплины он видел в том, что античность утратила роль образца для подражания и стала предметом научного исследования: эта мысль звучит в нескольких сочинениях конца 1860-ых – начала 1870-ых (*Гомер и классическая филология*; черновые наброски к *Мы, филологи*), а также в лекционном курсе того же периода *Введение в изучение классической филологии*.

Замысел «филологии будущего» был воплощён в *Рождении трагедии из духа музыки* и в *Философии в трагическую эпоху греков*. При критическом исследовании дихотомии Аполлона и Диониса выявляется, что Ницше не был оригинален в открытии роли дионисийского культа. Высокий стиль аполлонической культуры у древних был защитой от дионисизма, и последний значим в той степени, в какой способствует процветанию первой. Чтобы вынести дионисийское, античный человек сбегал к «Олимпу иллюзии» аполлонической культуры. Дионисийство было, таким образом, фоном и необходимым условием для совершенства культуры. Это – на первый взгляд, культурно-философское, – рассмотрение формирует одну из основ философии Ницше, а именно, «артистическую метафизику», главное содержание которой отражено в формуле: «существование и мир навеки могут быть оправданы только как эстетический феномен».

Ницше искал в древности воплощение эстетического мироощущения, и видел его не только в аполлонической культуре, но и у философов до Платона. Особенно важным в этом отношении является отличие эссе *Философия в трагическую эпоху греков* от параллельных записей к лекционному курсу *Доплатоновские философы*. Лекционный курс соответствует традиции философско-антиковедческих обзоров, в то время как у эссе были иные задачи. Ницше, во-первых, старается в нём показать единство биографии и доксографии философов до Платона; им рассматриваются лишь те, у кого можно обнаружить подобную целостность. Во-вторых, в эссе Ницше сосредотачивается на эстетической философии Гераклита и Анаксагора (им двоим уделено больше половины глав – десять из девятнадцати). При этом Ницше приписывает артистическую метафизику не только двум античным философам, но и всем грекам вообще. Не только в содержании мысли, но и в образе жизни Ницше находил у раннегреческих философов идеал и воплощение той аполлонической культуры, о которой говорил в *Рождении трагедии*. Однако мышление и сам образ философа изменились вместе с Платоном.

Вторая глава «Преодоление платонизма и поиск “собственно-эллинского”» посвящена рассмотрению противопоставлению Платона и эстетического идеала эллинской культуры.

В §1 второй главы **«Платоновская проблема: философия, полис и пайдейя»** исследуется переосмысление и преодоление платонизма в философии Ницше. В отличие от сложившейся в антиковедении и философии рецепции Платона, он видел в нём политического философа. В 1870-ые годы Ницше пытался переосмыслить политику Платона в обычном, узком смысле; в лекционном курсе *Введение в чтение платоновских диалогов*, а также в эссе *Греческое государство* и в черновых записях этого периода Ницше пишет о Платоне как о политическом деятеле. Принцип платоновской политики Ницше усматривал в тезисе «часть ради целого», который является сквозным мотивом *Государства* и *Законов*. В *Греческом государстве* Ницше поддержал этот формальный принцип платоновской политики, однако не был согласен с содержанием: если Платон видел цель в самом существовании политейи, или в «блаженном бытии» (εὐδαιμόνων οὐσία), то у Ницше целью государства является не само государство, а культура. С его стороны это не было модернизацией древности, поскольку критика политической достаточности Платона была и в самой античности (в частности, у Аристотеля). Ключевым вопросом *Греческого государства* было не рабство, как принято считать (в этом пункте Ницше поддерживает позицию Ф. Вольфа и В. Гумбольдта), а отношение к труду. Усматривая в современности господство труда, Ницше указывал на то, что у греков труд множества людей служил единой цели, в то время как современность подобной цели лишена и провозглашает «достоинство труда» в отсутствии цели, каковая должна заключаться в высокой культуре.

В 1880-ые годы Ницше начал критиковать политику Платона в широком смысле. Платон не только дал проект выхода из наступившего кризиса путём преобразования полиса и законодательства, его философская политика заключалась в воспитании нового человека. Чтобы пошатнувшиеся идеалы блага, добродетели и справедливости были сохранены, Платон перенёс их из сферы чувственного в сферу умопостигаемого. Любую несовершенную вещь (например, искажение добродетели) платоновский человек объясняет тем, что она одноимённа истинному образу. Этика и политика защищены тем, что платоник имеет в виду не некую *арете*, мужество или рассудительность, а то, что делает мужество и рассудительность *арете*. Однако такое мышление отвергает не только искусство, поскольку оно чувственно, но и всякую попытку эстетического отношения к миру, которое, как уже было сказано, Ницше находил в мироощущении древних. Это стало первым основанием для преодоления платонизма. Второе основание заключалось в том способе, каким Платон пытался преодолеть кризис идеалов: его мыслительный жест, ставший ответом на упадок своего времени, послужил основой для нового упадка, нигилизма. Основной чертой нигилизма является то, что чувственный мир лишился ценности, которой теперь наделён только недоступный «умопостигаемый» мир – произошла утрата оснований (историю возникновения, роста и преодоления этого платонического кризиса Ницше

описал в *Сумерках идолов*, в разделе *Как “истинный мир” наконец стал басней*). Третье основание для критики Платона заключается в «антиэллинизме» последнего («он глубок и страстен во всем антиэллинистском»). Ницше сохранил противопоставление античности и современности, и начало последней он усматривал в философии Платона. Платон является негативным отражением эллинской культуры, бывшей воспитательным идеалом философии Ницше. Соответственно, образ классического эллинизма у Ницше может быть приравнен к его культурному идеалу.

Во §2 второй главы «Герменевтическая реконструкция “собственно-эллинистского” (Ächthellenische)» воссоздан образ эллинизма, который Ницше противопоставил платонизму и современности. Целью Ницше было найти сущность эллинской культуры; он стремился зафиксировать не столько общую интенцию философии древних, сколько эллинистское мироощущение. Чтобы найти эту сущность, необходимо было «провести различие в самой античности» и сосредоточить внимание на «единственно-продуктивной эпохе», которая простирается от Гомера до Перикла. Преемственность мысли Ницше, тем самым, сохранилась, так как вопрос о продуктивной эпохе был поставлен ещё в *Рождении трагедии*: александрийскую эпоху (эллинизм) Ницше оценивал как слабую культуру, основанную на сократической разумности. Однако в отличие от многих современников Ницше идеализировал не эпоху Демосфена, Платона и Аристотеля, а так называемую «раннюю классику». Ницше несколько раз пытался реконструировать «собственно-эллинистское» (Ächthellenische); в 1883-1884 годы, задумывая труд *Размышления о греках*, он представил образ эллинизма в следующих чертах: агональное чувство («основной инстинкт их нравственности»), вытекающее из жестокости и неморальности древних (в этом отношении философия Ницше сопоставляется с признавшими роль античного агона Э. Курциусом и Я. Буркхардтом); отсутствие исторического чувства; естественность, а также упрощение души; сила чувств, включая благородство и идеализацию; сильная культура (и «антиварварское чувство»). Мироощущение древних проявлялось в формах агональной зримости: если аполлоническая культура, о которой Ницше говорил прежде, предполагала преимущественно произведения искусства, то теперь Ницше усматривал культурный идеал во всех сферах праксиса греков: «на агоре, на пиру и во всякой беседе», а также в межполисной политике.

В записях 1888 года Платону противопоставляется «собственно-эллинистское» (Ächthellenische): «Гомер, трагедия, риторика, Перикл». На основании античных источников все эти черты и явления раскрыты путём герменевтического метода в соответствии с набросками Ницше и логикой его мысли. Гомеру удалось воспеть тёмные века и, таким образом, внести в жизнь «свет искусства», что аналогично победе аполлонической культуры над дионисийской стихией. Трагедия была выражением избытка жизненной силы у древних: трагический человек мог позволить себе стремление к страшной истине. Риторика значима не только в смысле искусства красноречия: человек риторической культуры обращён вовне, все его слова и поступки наглядны и предполагают свидетеля (в лице полиса или богов); когда вместе с Сократом и

Платоном начался закат риторической культуры, подлинность была изъята из сферы внешнего, зримого. В эпоху эллинизма произошёл переход от риторического человека к человеку философскому, который начинает жить внутренней, частной жизнью. Наконец, фигура Перикла олицетворяет сильную культуру: Афины Периклова века были полисом искусств, риторики и философии, а эпитафий Перикла у Фукидида Ницше считал прямым выражением эллинского мироощущения (он также называл его ключом к «греческой проблеме»).

В третьей главе «Поздний Ницше и открытие другой античности» рассматривается то, как Ницше переосмыслил античность в поздний период творчества, а также преемственность его понимания классической древности в немецкой традиции XX века.

В §1 второй главы «Смех, поверхность, Рим: античность у позднего Ницше» исследуются итоги преодоления платонизма, которое воплотилось в учении о Вечном возвращении того же самого. Чтобы платоновский дуализм мог быть преодолен, необходимо было ввести смеховое мироощущение, при котором мир перестаёт делиться на хорошую и дурную стороны. Итог принятия учения о Вечном возвращении Ницше связывал с образами смеха: смех решает проблему оправдания мира и утверждает все явления. Соответственно, был переосмыслен антропологический дуализм «тела» и «души»: в духе античной софистики и медицины Ницше пришёл к пониманию неделимой цельности человека («одухотворено тело, душу оставим в покое»). Таким образом, «забота о себе» предполагает заботу об указанной цельности; эта забота имеет в виду нахождение такого *optimum*-а условий, при которых человек способен к возвышению. Несомненно, каждое тело выбирает *optimum* для своей продуктивности, но сам факт этой продуктивности ещё не является предельным благом, ведь одни условия продуктивны для слабости и болезненности, другие для здоровья культуры. Главное свидетельство здоровья или болезненности Ницше видел в искусстве. В поздние годы Ницше свёл эстетику и физиологию воедино; следуя Гёте, в качестве основных понятий эстетики Ницше выбрал «здоровье» и «болезнь», соответствующие классическому и романтическому искусству, что в очередной раз указывает на проблематичность ницшевского «антиклассицизма». Античность была понята Ницше как образец здоровой культуры. В «эстетике здоровья» Ницше противопоставил античное понимание искусства, как и само их искусство, современному: античное искусство было искусством поверхности, прекрасной видимости, из чего следовал отказ от идеала истины и серьёзности. Во-первых, провозглашение смеха и поверхности привело позднего Ницше к переосмыслению феномена дионисизма: теперь Дионис не столько покровитель трагедии, сколько «извечный комедиограф нашего существования». Дионис символизировал избыток силы как в ранних произведениях Ницше, так и в поздних – но изменился сам образ силы, которую теперь Ницше связывал с лёгкостью и смехом. Во-вторых, обращение к смеховому мышлению послужило причиной отказа Ницше от присущего немецкой культуре эллинофильства: в *Сумерках идолов* (в разделе *Чем я обязан древним*) Ницше противопоставил этой тенденции римский идеал. На место

смехового мышления Аристофана Ницше поставил Петрония, на место образцов греческого искусства – Горация и Саллюстия, на место смысловой пары «платонизм – эллинизм» – «христианство – Рим». Со стороны Ницше это была не просто замена идеалов, но переосмысление основ эстетики и философии культуры.

Во §2 третьей главы «**Формы интерпретации античности Ницше в немецкой гуманитарной мысли XX в.**» выделены три идеальных типа истолкования античной проблематики Ницше: принятие, преодоление, следование.

Представители первой формы привлекали в своих целях некоторые содержательные моменты ницшевского философствования. О. Шпенглер, к примеру, обозначил гештальт античной культуры в качестве аполлонической души, а Э. Юнгер и Ф.Г. Юнгер унаследовали от Ницше критику современности с позиций античности; правда, в современности они усматривали не сократическую тенденцию, а титанизм техники, который, однако, также должен быть преодолен Дионисом. В университетском антиковедении влияние Ницше отразилось, во-первых, на переосмыслении методов классической филологии, поскольку антиисторизм Ницше открывал новые возможности, хотя и противоречил духу науки о древности. Во-вторых, это влияние сказалось на тематическом выборе: очень широко стали исследоваться формы упадка античной культуры, будь то эллинизм или закат Римской империи. В просопографии утверждалась ведущая историческая роль великой личности (Г. Берве) либо аристократии (О. Зеек). Исследовались феномены рабства (Й. Фогт) и агония (И. Вайлер); большое внимание уделялось религиозным культам архаичной эпохи, в том числе, становлению дионисийства (Э. Роде, В. Отто).

Параллельно с этим в научной и культурной жизни Германии всё более укреплялся новый образ классической древности, образ «другой античности», в котором на первый план были выдвинуты мрачные черты античной жизни, в особенности, жестокость – на войне, в полисе, в мифе. Однако в этом отношении Ницше, что справедливо, не считался оригинальным: его имя упоминалось наряду с Я. Буркхардтом, И. Бахофеном и Э. Роде. Упоминание Ницше среди этих имён задаёт определённую стратегию (не)понимания «античной проблемы» у Ницше. К тому же, то, что классический идеал утратил ценность и ему стали предпочитать архаику, нельзя приписывать действию одной лишь неоромантической тенденции, к которой иногда относят Ницше; это связано с критическим методом науки о древности, который и отклонил впервые классицистское видение античности.

Вторая форма интерпретации античности Ницше представлена в философии М. Хайдеггера. Сначала, в 1930-ые годы, Хайдеггер примыкал к первой форме: он также искал сущность античности, представленную «греками», интерпретировал преимущественно поэтов и трагиков, а не философов, критиковал Платона. Однако далее отношение Хайдеггера к античности Ницше существенно изменилось: за внимание к «культуре», которой «у греков не было», он обвинял предшественника в римском способе

мышления. Хайдеггер продолжил критику Платона, однако теперь в платонизме был обвинён и сам Ницше; если Ницше видел преодоление нигилизма в возвращении к грекам, то Хайдеггер настаивал на необходимости «другого начала» – аналогичного греческому началу, но уже иному.

Наконец, были те, кто воспринял не содержание, а *направленность* ницшевского осмысления античности. Члены круга Штефана Георге, а также Готфрид Бенн и Вернер Йегер нередко могли выступать против тех или иных положений Ницше, но их деятельность, тем не менее, более всего соответствовала его замыслам. «Георгеанцы», во-первых, в своих сочинениях следовали форме *Рождения трагедии*: освоение античности должно идти по пути подражания и возрождения, а не исследования – от этого и их стремление к «монументальной истории» в духе Плутарха. Во-вторых, члены круга поддерживали политическое прочтение Платона. В-третьих, они усилили значимость телесности у древних: «плоть» для них стала «третьим гештальтом» античности после Винкельмана и Ницше. Готфрид Бенн переосмыслил значение Диониса в ницшевской философии культуры. В отличие от большинства современников, Бенн противопоставил ницшевское понимание античности тенденциям «другой античности»: он противопоставил Ницше Бахофену и Роде, а не относил их к единому течению. Ему принадлежит и продолжение основной интенции *Греческого государства* Ницше: в эссе *Дорический мир и мы* Бенн вновь поставил вопрос о соотношении государства и искусства, и пришёл к выводу, что целью античного полиса было искусство дорического стиля, который соответствует аполлонической культуре. В целом, Бенн был одним из немногих, кто подчёркивал значение «артистической метафизики» Ницше: воля к власти есть воля к форме, воля к стилю. Другие тенденции ницшевской мысли были углублены Вернером Йегером. Его проект *Третьего гуманизма* предполагал, что новое возрождение должно быть не только эстетическим, но и политическим: оно должно затрагивать не отдельных людей, но государство в целом. Йегер следовал ницшевской философии культуры 1870-ых годов и настаивал на преображении культуры на античный манер, что могло произойти только после переосмысления основ воспитания, образования и, в частности, задач классической филологии. Йегер утверждал, что всякая культура, которая перестаёт ориентироваться на эллинство, перестаёт, тем самым, быть культурой. Таким образом, представителей третьей формы интерпретации античности у Ницше объединяло осознание того, что дионисийская витальность предшествует культуре большого стиля, но главным вопросом является не витальность, а сама эта культура.

В «**Заключении**» подводятся итоги диссертационного исследования, намечаются перспективы дальнейшей научной деятельности в рамках выбранного направления.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях автора:

Статьи в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные

научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Колесников, И.Д. «Ἐν το πᾶν» Гераклита: от стоицизма до Ницше / И.Д. Колесников // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. – С. 164-171.
2. Колесников, И.Д. Стоическое учение о знаке в горизонте этики / И.Д. Колесников // Вестник развития науки и образования, 2018, №1. – С. 49-55.
3. Колесников, И.Д. «Третий гуманизм» Вернера Йегера и антиковедение / И.Д. Колесников // Вестник развития науки и образования, 2018, №3. – С. 46-51.
4. Колесников, И.Д. Пайдейя в поздней античности: учёность как образ жизни / И.Д. Колесников // Вестник развития науки и образования, 2018, №5. – С. 64-74.
5. Колесников, И.Д. «Вечное возвращение» Ницше и античность / И.Д. Колесников // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. – С. 236-242.

Публикации в других изданиях:

6. Колесников, И.Д. Проблема продуктивности иллюзий в философской концепции Фридриха Ницше / И.Д. Колесников // Россия в глобальном мире: онтологические основания и проблемы идентичности. Под ред. проф., д.ф.н. М.О. Орлова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2012. – С. 45-48.
7. Колесников, И.Д. Идея продуктивности в философии Ницше / И.Д. Колесников // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2012. – С. 60-66.
8. Колесников, И.Д. Трагические мыслители / И.Д. Колесников // Диалог культур в глобальном обществе риска. Под ред. проф. д.ф.н. М.О. Орлова. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – С. 109-114.
9. Колесников, И.Д. Ψυχή как данность бытия в онтологии Аристотеля / И.Д. Колесников // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – С. 49-56.
10. Колесников, И.Д. Дионис и философия Ницше / И.Д. Колесников // Антирационалистический поворот в современной философии: тенденции и перспективы (К 170-летию со дня рождения Ф. Ницше). Отв. ред. В.Т. Фаритов. – Ульяновск: УлГТУ, 2014. – С. 28-36.
11. Колесников, И.Д. Прометей и сущность техники в трагедии Эсхила / И.Д. Колесников // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 62-69.
12. Колесников, И.Д. Эрнст Юнгер: земля и миф / И.Д. Колесников // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2014, №2 (16). – Самара: Прайм. – С. 116-122.

13. Колесников, И.Д. Драматическая поэзия и природа: И.В. фон Гёте / И.Д. Колесников // Революции: цивилизационный разлом или переворот? Под ред. проф., д.ф.н. М.О. Орлова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. – С. 30-35.
14. Колесников, И.Д. Incipit Tragoedia / И.Д. Колесников // Судьба творческого наследия: теоретический альманах “Res Cogitans #8” – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 141-166.
15. Колесников, И.Д. Господство нужды и нигилизм: Освальд Шпенглер / И.Д. Колесников // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – С. 58-65.
16. Колесников, И.Д. В пределе этики разорванности / И.Д. Колесников // Проблемы этики: историко-философский и профессиональный контекст: сб. статей. отв. ред. Л.И. Тетюев. – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. – С. 88-92.
17. Колесников, И.Д. Строение фразы: Готфрид Бенн / И.Д. Колесников // Столкновение цивилизаций и амбивалентный человек. Под ред. проф., д.ф.н. М.О. Орлова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – С. 81-87.
18. Колесников, И.Д. Понимание искусства? / И.Д. Колесников // Общество. Человек. Риски. Под ред. проф., д.ф.н. М.О. Орлова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – С. 63-68.
19. Колесников, И.Д. Этика «Консервативной Революции» // IX международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2017. Этика революций». СПбГУ, 26-28 октября 2017 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2017. – С. 57-58.
20. Колесников, И.Д. Пайдейя Ницше и античность / И.Д. Колесников // Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – С. 217-223.